

R.R. Sadikov. The Cult of Loud/Keremet among the Udmurt of the Trans-Kama River Area

The cult of a pagan deity called Loud/Keremet was of special importance in the religious system of the Udmurt of the Trans-Kama river area (Bashkortostan, Tatarstan, Perm and Sverdlovsk regions). To propitiate the deity, prayers and offerings were performed in sacred groves called *keremet* or *loud*. It was men only that could participate in sacrificial procedures. Prayers were arranged once or sometimes twice a year. Sacred groves were fenced and it was the priest only who had the right to enter them. The fire that was burning inside the groves was of special sacral importance. When changing a grove, people deposited the ashes from the older fire into the new one. The author provides a detailed analysis of the cult, supplying ample folklore and historical data and arguing that certain traits of the cult were shared among other peoples such as the Mari and Chuvash and to some extent Mordva and Kriashen as well.

ЭО, 2008 г., № 4

© Е.А. Ягафова

ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ МЕНЬШИНСТВА ЧУВАШЕЙ*

Под "этноконфессиональными меньшинствами" в данной работе понимаются малые этноконфессиональные группы чувашей. Для выделения этой этнографической категории исследователями были введены такие дефиниции, как "субэтноконфессиональная группа" (Пучков 1989: 27–28) и "этноконфессиональная общность" – ЭКО (Брук и др. 1969: 98–99). Характерными признаками такой общности являются культурное и, в первую очередь, религиозное своеобразие, а также особое самосознание. Более активно исследователями используется упрощенный вариант этого понятия – "этноконфессиональная группа" (ЭКГ). Под "этноконфессиональной группой" понимается часть народа, обладающая культурно-бытовым своеобразием, возникшим вследствие изоляции, связанной с религиозной принадлежностью.

В данной статье предпринята попытка объяснения феномена ЭКГ, роли религиозного фактора в истории народа и характера функционирования религиозного самосознания в обществе на примере этноконфессиональных меньшинств чувашей. В работе рассмотрен процесс их формирования, дана характеристика современного состояния и выявлены ареалы групп. Исследование основано на архивных (РГАДА, РГИА, Архив РАН, ЦГА РБ и др.), опубликованных источниках и литературе, а также полевых материалах автора.

Этноконфессиональные группы чувашей – некрещеные, мусульмане и христиане неортодоксальных течений – являются структурными единицами чувашского этноса, находившимися в тесном контакте с религиозным большинством народа – православными чувашами (с середины XVIII в.) и окружающим иноэтничным и иноконфессиональным окружением – православными русскими, мордвой и др. и мусульманскими народами – татарами и башкирами. Формирование и развитие этих групп в XVIII–XX вв. происходило в контексте, с одной стороны, социально-политических процессов в Рос-

---

Екатерина Андреевна Ягафова – доктор исторических наук, профессор Самарского государственного педагогического университета; e-mail: yagafova@yandex.ru

* Исследование выполнено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (гранты № 03-01-00479а, 06-01-92224 а/Л).

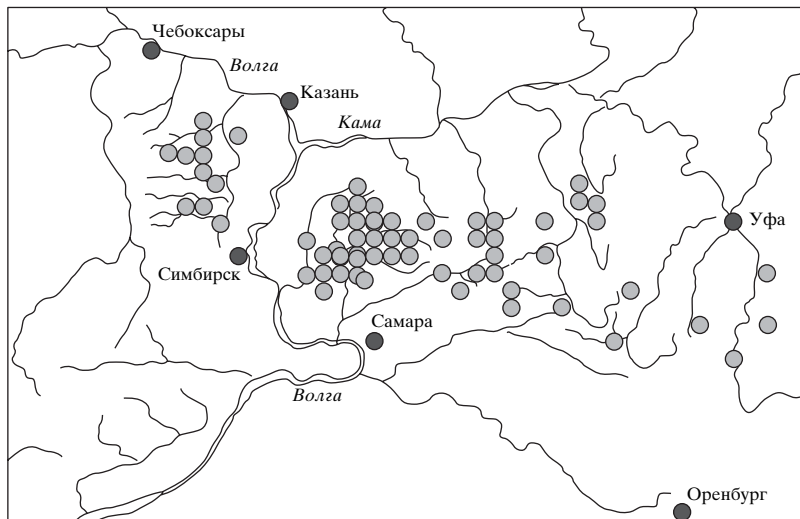
сийском государстве, в ходе борьбы за сохранение религиозной и одновременно этнической идентичности (некрещеные чувашаи), с другой стороны, постепенного усвоения догматики мировых религий, приведшего к христианизации и исламизации части некрещеных чувашей, т.е. формированию групп чувашей-мусульман и христиан. О "языческой" ЭКГ в составе чувашей можно говорить с середины XVIII в., времени массовой христианизации народов Урало-Поволжья, когда приверженцы традиционной религии превратились из большинства в меньшинство. Появление мусульман в составе чувашей сопряжено с волнами исламского "отступничества" в середине XVIII – начале XX в. Неортодоксальные течения христианства (старообрядчество, сектантство и др.) проникали к чувашам вследствие контактов с иноэтничным окружением (русскими, мордвой, немцами и т.д.) в XIX–XX вв.

На протяжении XVIII–XX вв. численность и ареалы **некрещеных чувашей** постепенно уменьшались вследствие христианизации народа. Наиболее компактные и относительно многочисленные группы "язычников" обитали в Закамье (Спасский и Чистопольский уезды Казанской губ.) и Заволжье (Самарский, Ставропольский, Бугульминский, Бугурусланский уезды Самарской губ.) и небольшими анклавами в Буинском и Симбирском уездах Симбирской губ., Цивильском у. Казанской губ., Белебеевском и Стерлитамакском уездах Уфимской губ. Всего в конце XVIII в. их насчитывалось около 13 тыс. чел. (РГАДА 1; РГВИА 1: 18895; 571. Оп. 6. Д. 141. Л. 28 об.), в середине XIX в. – 8,2 тыс. чел. (Архив РАН: 78–199; РГВИА 1: 18894; РГИА 8: 1290. Оп. 11. Д. 1245.), в конце того же столетия – 11,6 тыс. чел. (ЧГИГН 1: 220. Л. 99–102.).

Небольшие группы некрещеных чувашей располагались в середине XVIII в. также в Приволжье и Приуралье. На территории Вального стана Симбирского у., в междуречье Булы и Цильны, по данным III ревизии, проживало 527 чел., рассредоточенных маленькими группами по 10–25 чел. в 19 селениях среди крещеных чувашей и татар (РГАДА 2: 3147. Л. 53–54, 223–225, 275–276; 3149. Л. 147–166 об., 189, 310–311, 330–333; 3150, 3152). На территории Завального стана того же уезда, в елаурском и неверкинско-кулаткинском кустах, обитало около 300 некрещеных чувашей (Там же: 3144. Л. 136, 147об., 154–157, 476–479 об.; 3156. Л. 24–28, 43, 45–46, 51–54), составлявших чуть более 3% от чувашского населения данных районов. В Заволжье обитало около 1000 чел. (Там же: 2454.). В Приуралье некрещеные чувашаи общей численностью 67 чел. проживали в трех селениях в среднем течении р. Белой – Бегеняш (Яранское), Месели и Алмантаево (Там же: 3795. Л. 135–136, 143–144, 155).

Крупнейший ареал некрещеных чувашей на протяжении многих столетий располагался в Закамье. "Язычники" проживали многочисленными группами (в среднем по 70–100 чел.) компактно в одном или нескольких близлежащих селениях, что создавало возможность стабильного развития конфессионального сообщества. В середине XVIII в. в 14 селениях из 22 обитали исключительно некрещеные чувашаи, а в других их доля варьировала от 5,3 до 47,2%. В Закамье и Заволжье на протяжении XVIII–XIX вв. проживало около 65% некрещеных чувашей (Там же: 1207, 1219–1221, 2454, 3352).

Во второй половине XVIII–XIX в. общая численность некрещеных чувашей и их доля среди жителей отдельных селений постепенно снижались. По данным IV ревизии (1781–1783 гг.), в Симбирской губ. обитали 3270 чел., из них в Симбирском у. – 465, Самарском – 2032, Буинском – 548 (РГВИА 1: 19025). В Чистопольском и Спасском уездах. Казанской губ. проживало около 2100 некрещеных чувашей, что составляло 64,2% от численности данной этноконфессиональной группы, в Заволжье и Приуралье – 1218 чувашей-"язычников" (Там же: 4342). По данным V ревизии (1795 г.), в Оренбургской губ., охватывавшей тогда Заволжье, Приуралье и частично Закамье (Бугульминский у.), насчитывалось 4826 некрещеных чувашей (Там же: 18895). Таким образом, к концу XVIII в. более 9,5 тыс. чувашей-"язычников" проживали в Закамье и Заволжье и составляли около 13% от чувашского населения этих регионов.

Карта-схема 1. Расселение некрещеных чувашей в Урало-Поволжье в конце XIX – начале XX в.

К середине XIX в. география некрещеных чувашей была представлена следующим образом. В Казанской губ. насчитывалось 4844 некрещеных чувашей, что составляло 1,56% от общей численности чувашского населения в губернии; из них 3901 чел. проживали в завожских уездах – Чистопольском и Спасском. В Самарской губ. они обитали в семи селениях Бугульминского и в пяти селениях Бугурусланского уездов, а также в Ставропольском и Самарском уездах (Архив РАН: 78–199). Общая численность некрещеных чувашей составила здесь около 3,5 тыс. чел. (РГВИА 1: 18994). Таким образом, в Заволжье и Закамье проживало более 7400 некрещеных чувашей, или 8,43% от чувашского населения этих районов. Для сравнения, "язычники" в правобережных Буинском и Симбирском уездах при общей численности в 443 человека составляли всего лишь 0,24% (РГИА 8: 1245). В Оренбургской губ. численность некрещеных чувашей была относительно невелика – менее 2% чувашей Приуралья. "Язычники" обитали в Белебеевском (211 душ мужского пола), Мензелинском (56), Стерлитамакском (34) и Уфимском (14 душ мужского пола) уездах (РГИА 3).

Переломным моментом в судьбе чувашского "язычества" и ЭКГ стал рубеж XIX–XX вв., отмеченный активным наступлением на традиционную религию со стороны православия и ислама. Процесс был усугублен кризисом самого "язычества", зримо проявившимся с конца 80-х годов XIX в. Сомнение в традиционных ценностях и даже признание несостоятельности "чувашской веры", неоднократно звучавшие из уст наиболее образованной части чувашского общества, делали его уязвимым перед мировыми религиями (Из жизни: 1459–1460). В совокупности эти факторы обусловили значительное ослабление позиций традиционной религии в обществе и постепенный переход большинства народа в православие и меньшинства – в ислам.

К началу XX в. в России проживали 17 840 некрещеных чувашей, из которых почти 98% обитали в четырех губерниях Урало-Поволжья: 2918 чел. – в Уфимской, 737 – в Симбирской, 4975 – в Самарской, 8781 – в Казанской; 367 чел. проживали в Сибири – в Томской губ.¹ Всего насчитывалось 80 селений некрещеных чувашей, из которых более 50 по-прежнему располагались в Закамье и Заволжье (карта-схема 1).

В XX в. чувашское "язычество" вступило, будучи значительно ослабленным вследствие активной христианизаторско-просветительской политики по "системе Ильминского", реализовавшейся в Урало-Поволжье с 60-х годов XIX в. (Ягафова 1998: 272–

313), а также в результате распространения в ряде местностей происламских настроений, повлекших "отпадения" чувашей в мусульманство в 40–90-х годах и начале XX в. (в 1911 г. – 2334 официальных чувашей-мусульман) (Никольский 1912: 190). Влияние этих конфессий отразилось на трансформации религиозной догматики и культа, а также на численности и ареалах некрещенных чувашей.

Материалы исследований ученых подтверждают сохранение комплекса представлений о духах природы (земли, воды, ветра, огня) и божествах-покровителях разных сфер жизни, культа верховного божества *Турӑ*, культа предков, ритуальной практики молений и жертвоприношений и праздничной культуры (*Кудряшов* 1978: 43–44). Процесс трансформации затронул прежде всего область религиозных представлений, вытеснив из него многочисленных духов и второстепенных божеств; часть функций последних была перенесена на Турӑ, в эволюции его образа явно наметились монотеистические тенденции. В центре внимания обрядовой практики находились два культа: Верховного бога Турӑ и предков, которые в течение календарного года выступали в едином комплексе и строго определенной последовательности. Обряды в честь прочих духов (например, покровителей домашнего очага *кил-йиши пӑтти* или хлеба *карта пӑтти*) отходили на второй план. Но изменениям подверглась и ритуальная практика вследствие сокращения обрядовых циклов и изменения времени проведения некоторых из них.

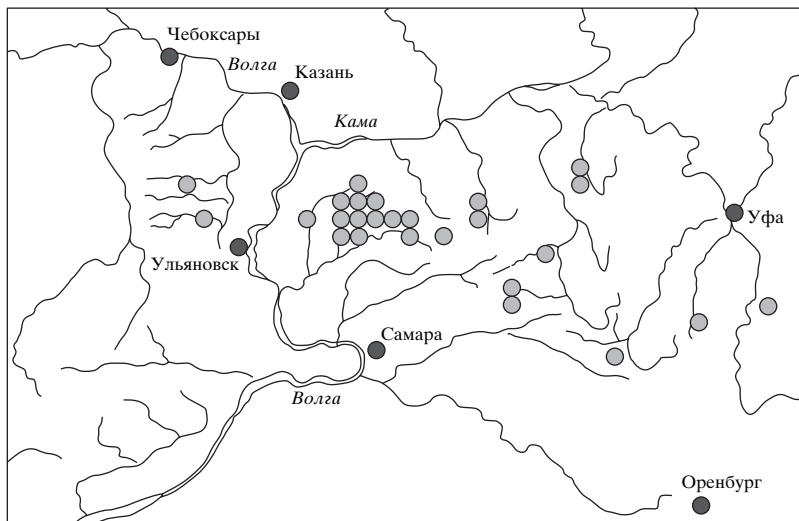
Редукция "языческого" культа и "монотеизация" его догматики во многом были обусловлены влиянием христианства, с которым некрещенные чуваша знакомились в ходе непосредственных контактов с православными соплеменниками. С 20-х годов XX в. постепенно снимались запреты на браки между чувашами-христианами и "язычниками", строго соблюдавшиеся в прежнее время².

Значимым результатом трансформации чувашского "язычества" в XX в. стало сокращение его ареала, а именно переход в православие малочисленных групп некрещенных чувашей в христианских селениях: например, в Самарской обл., Башкирии и Чувашии (ПМА 1993–2005). Более устойчивыми оказались традиции "язычества" в Закамье (Аксубаевский, Нурлат-Октябрьский, Черемшанский, Лениногорский, Альметьевский районы Татарии) и некоторых районах Заволжья (Шенталинский, Челно-Вершинский, Похвистневский районы Самарской обл.) и западного Приуралья (Бижбулякский, Бакалинский, Миякинский районы Башкирии), где сегодня насчитывается 35 селений некрещенных чувашей (ЧГИГН 2: 181, 277, 878; ПМА 1995–2005).

В действительности традиционные верования сохранялись среди большинства чувашского населения Урало-Поволжья до конца XIX в., а в реликтовой форме бытуют в начале XXI в. практически во всех районах компактного проживания чувашей. В связи с этим возникает вопрос о характеристике современного состояния "язычества" касательно не только официально некрещенных чувашей, но и значительного количества православных (особенно в Башкортостане), придерживающихся традиционных верований в едином комплексе с христианским культом (ПМА 1995–2005).

В начале XXI в. численность некрещенных чувашей составила около 5 тыс. чел., из которых примерно 1 тыс. проживает в Самарском Заволжье и более 3,4 тыс. – в закамских районах Татарстана. Остальные локальные группы некрещенных чувашей располагаются в Башкортостане (более 500 чел.), Ульяновской обл. и Чувашии. Ареал группы охватывает сегодня всего 40 селений (включая выселки 20-х годов), но крупные общины (более 100 чел.) представлены только в 17 из них (ПМА 1993–2006) (карта-схема 2).

Наиболее многочисленны чуваша-"язычники" в закамских районах Татарстана; они рассредоточены в 27 селениях, более половины из которых (14) расположены в Аксубаевском р-не. Это села Новое Тимошкино, Ерепкино, Иляшкино, Малое Аксубаево, Новое Аксубаево, Нижние Савруши, Васильевка, Савгачево, Урмандеево, Атлашкино, поселки Ерыкла, Федоровка, Сосновка, Заря. Еще шесть селений находятся

Карта-схема 2. Расселение некрещеных чувашей в Урало-Поволжье в начале XXI в.

в Нурлатском р-не: Абрьскино, Ерепкино, Якушкино, Аксумла, Чувашская Менча, Илюткино. По два села расположены в Альметьевском (Старое Суркино и Клементейкино) и Черемшанском (Новое Ильмово и Старое Серезжино) районах и по одному в Алексеевском (Шама), Лениногорском (Новое Серезжино) и Новошешминском (Чувашская Чебоксарка) районах. В правобережных районах республики зафиксирована только одна община некрещеных чувашей в с. Чувашское Шаймурзино Дрожжановского р-на (ПМА 2000, 2002а, 2003а, 2005а).

В Самарской обл. общины некрещеных чувашей известны в шести населенных пунктах: это села Старое Афонькино Шенталинского р-на, Старое Урметьево Челно-Вершинского р-на, д. Ерандаево Кошкинского р-на, пос. Редкая Береза Клявлинского р-на, села Старое Ганькино и Рысайкино Похвистневского р-на (ПМА 1993–1998, 2001).

На территории Башкирии "язычники" обитают в д. Юльтимировка и с. Ахманово Бакалинского р-на, с. Мраково Гафурийского р-на, пос. Дубровка Миякинского р-на и с. Зирикла Бижбулякского р-на. В Ульяновской обл. они проживают в д. Средние Алгаши Цильнинского р-на, в соседней Чувашии – в с. Трехизб-Шемурша Шемуршинского р-на и д. Байбахтино Комсомольского р-на (ПМА 1994, 2002–2006)³.

С ареалом некрещеных чувашей фактически совпадали районы расселения **чувашей-мусульман**, так как обращение в ислам происходило из числа "язычников". Но исламизации подвергались также официально крещеные чуваша (к примеру, в Саратовской губ.) (Димитриев 1993: 232). Процесс перехода в ислам протекал единично в XVIII в. (РГИА 4: 896. Л. 3.; Можаровский 1880: 89), но наибольших масштабов достиг в XIX в. Он вылился в несколько этапов: XVIII в.; 20–60-е годы XIX в.; 70–90-е годы XIX в.; начало XX в. (до 1917 г.); 1917 – середина 1980-х годов; середина 1980-х годов – начало XXI в.

"Отступничество" в 1846–1866 гг. охватывало районы совместного проживания татар и чувашей: Буинский и Симбирский (3 селения) уезды Симбирской губ., Кузнецкий (1), Петровский (2) и Хвалынский (1) уезды Саратовской губ., Цивильский (1), Свяжский, Тетюшский (3), Чистопольский (1) и Спасский уезды Казанской губ., Бугульминский, Бугурусланский уезды Самарской губ., Белебеевский, Мензелинский и

Стерлитамакский уезды Уфимской губ. (РГИА 5: 25, 218, 20775, 42701; *Werth* 2002: 148–153; *Браславский* 1997: 41; *Чичерина* 1907: 36–37; *Комиссаров* 1913: 569; *Журнал* 1902: 476–477; *Руновский* 1901: 242; *Можаровский*: 247; *Воронец* 1877: 233; Отчет БСГ 1883: 696, 766; *О.Р.*: 738–748).

В 70–80-х годах XIX в. в Урало-Поволжье прокатилась новая волна "отступничества", в которой приняли участие и чувашаи (*Werth*: 198). В Казанской епархии отпадения повлияли на настроения неустойчивых в религиозной ориентации чувашей 17 селений Свяжского (3), Цивильского (5), Чебоксарского (2), Тетюшского (3) и Чистопольского (4) уездов (РГИА 6: 777, 779; *Диакон* 1891: 764–765.; Отчет КЕИМ 1912: 944; ЦГА: 253. Л. 11). В Симбирской губ. в ислам переходили в единичном порядке жители трех деревень Симбирского у. (ЦГА: 495, 3259; Отчет СмБЕК 1877: 163); мусульманские настроения распространялись и в Буинском у. (РГИА 6: 770, 775, 780). В Саратовской губ. в 1889 г. в ислам отпали 19 семей в Петровском у. В Уфимской губ. омульманывание проходило, начиная с 70-х годов XIX в., этому способствовала и многочисленность "язычников", и специфика расселения среди мусульман – татар и башкир, активность и влияние мусульманской пропаганды, меньшая активность православных миссий. Пик "отпадений" приходится на Белебеевский (7 селений), Мензелинский (1) и Стерлитамакский (6) уезды (Отчет УЕК 1888: 17. С. 545; 18. С. 570; 20. С. 654; РГИА 4: Оп. 162. Д. 1077). "Очагом отатаривания чуваш" являлась Самарская губ. (*Ильминский* 1895: 387). Случай перехода чувашей в ислам наблюдались в 16 чувашских и чувашско-татарских селениях Самарского, Бугульминского и Бугурусланского уездов (Отчет СЕК 1897: 86, 1901: 81, 1902: 8, 1904: 3–4; РГИА 5: 41173; ПМА 2002в; *Иванов* 1900: 173, 1910: 1246; *Филимонов* 1908: 620–625; *Ильминский* 1895: 295).

В конце XIX в. чувашаи-мусульмане рассматривались в православных кругах в двух категориях: "отступников" и "магометан". К первой относились бывшие христиане, находившиеся под сильным влиянием татар, отразившимся на их культурно-языковых характеристиках. Проживая в шести основных губерниях – Казанской, Симбирской, Самарской, Уфимской, Оренбургской и Саратовской, они различались по степени "отатаривания" в зависимости от региона. Наибольшей ассимиляции подвергались чувашаи в районах совместного проживания, где от татар усваивались не только внешние формы (язык, обычаи, костюм), но и самосознание; на чувашское происхождение указывали лишь языковые (фонетические) нюансы и антропологические особенности. В других регионах, где чувашаи не находились в столь тесном и постоянном контакте с татарами, отмечались следы чувашской культуры, особенно в языке и костюме женщин. Чувашаи этой категории в официальных отчетах не признавались мусульманами, чем отличались от другой группы – "чувашей-магометан", состоявшей из фактических и официально признанных еще в середине XIX в. (по ревизии 1857 г.) мусульман. И хотя в языке и культурном облике, в частности ее женской части, сохранялись элементы чувашской этнической культуры, по самосознанию и отношению к религии они принадлежали к татаро-мусульманскому сообществу (Краткая заметка: 24).

По переписи 1897 г. чувашаи-мусульмане (определены по двум критериям: "родной язык" и "вероисповедание") проживали в Симбирской (74 чел.), Томской (69), Казанской (67), Саратовской (61), Самарской (57), Оренбургской (2 чел.) губерниях – всего 330 чел. Самые многочисленные группы обитали в Буинском, Кузнецком, Петровском, Свяжском и Новоузенском уездах (ЧГИГН 1: 220. Л. 3–396).

Вспышка "отступничества" в ислам среди чувашей отмечена в начале XX в., особенно после объявления указа о свободе вероисповеданий 1905 г., которая привела к росту численности "официальных" мусульман в 7 раз (с 330 в 1897 г. до 2334 чел. в 1911 г.) (*Никольский* 1912: 194–219). В это число не вошли так называемые тайные мусульмане, которым было отказано в переходе в ислам. Исламская пропаганда привела к массовому отпадению не только "язычников", но крещеных чувашей в разных губерниях: в 17 селениях Самарской губ., 11 – Уфимской, 7 – Симбирской и 1 селении

Казанской губ. (РГИА 4: Оп. 186. Д. 5999, Оп. 191. Д. 163; РГИА 5; 6: 800; 7; Миссионерский съезд: 674; *Браславский* 1997: 41).

Распространению ислама среди чувашей в Урало-Поволжье содействовал ряд факторов: 1) территориальный – близость мусульманских, в первую очередь татарских, деревень; 2) экономический – торгово-ремесленная специализация татар, позволявшая им часто бывать в чувашских деревнях и пропагандировать ислам; 3) социокультурный – знание чувашами татарского языка в зонах смешанного чувашско-татарского проживания; 4) мировоззренческий и социальный кризис "язычества" под влиянием распространявшихся мировых религиозно-философских систем и усложнявшейся общественно-политической жизни в стране; 5) гибкость, адаптивность, податливость и терпимость мусульманской религии.

Исламизация приводила к изменению не только конфессиональной, но и этнической принадлежности чувашей (*Багин* 1910: 391). Однако окончательное отатаривание исламизированных чувашей было прервано резкими социально-политическими изменениями XX в. – Октябрьской революцией 1917 г. и последовавшей активной антирелигиозной политикой советской власти, поставившей ислам, как и христианство, вне общества. Атеистическая пропаганда среди неокрепших в исламе "новых мусульман" предотвратила татаризацию значительной части чувашей-мусульман, а в некоторых случаях обусловила и возвращение их к традиционным верованиям и даже христианизацию в конце XX в.

Неравномерность во времени и по интенсивности воздействия ислама на чувашей обусловили формирование в XX в. разных по своим этноконфессиональным характеристикам подгрупп "чувашей-мусульман" (учтена корреляция трех основных признаков – этническое самосознание, язык и религиозная принадлежность). Первая группа представлена "чувашами-мусульманами", вернувшимися к традиционным верованиям в течение XX в.; часть их потомков к концу XX в. восприняла христианство. Примеры представлены в поселках Дубровка Миякинского и Борисовка Шаранского районов Республики Башкортостан (РБ), часть жителей в с. Старое Афонькино Шенталинского р-на, селах Рысайкино и Старое Ганькино Повхвистневского р-на Самарской обл., в с. Алексеевка Бавлинского р-на Республики Татарстан (РТ). Вторая группа состоит из чувашей по этническому признаку (язык, культура, этническое самосознание), но мусульман по религиозному самосознанию. Таковы немногочисленные группы чувашей в с. Старое Суркино Альметьевского р-на РТ, селах Алексеевка, Рысайкино, Старое Афонькино; пос. Илингино (выселок из Ст. Ганькино), с. Зерикла Бижбулякского р-на РБ. Третья группа представлена потомками чувашей-мусульман, сохранивших ислам и воспринявших татарское этническое самосознание, но сохранявших чувашский язык, а в быту и обрядности – элементы чувашской культуры. Это часть жителей в с. Артемьевка Абдулинского р-на Оренбургской обл., д. Ибрайкино Бижбулякского р-на РБ. Четвертая группа включает потомков чувашей-мусульман, полностью воспринявших мусульманскую религию, татарские самосознание и язык, что характерно, к примеру, для жителей сел Зирган Мелеузского р-на, Аллагуватово Ишимбайского р-на, пос. Ноябрьевка Гафурийского р-на РБ. Сегодня они образуют в этих селениях особую группу "новых мусульман", отличную от "старых мусульман", т.е. татар и башкир (ПМА 1996–2005).

Христианские религиозные течения (старообрядческого направления, протестантизма и др.) распространялись среди чувашского населения Урало-Поволжья, начиная со второй половины XIX в., и особенно активизировались в 20-х годах XX в. Наибольшее распространение получили такие течения, как ИПЦ (Истинно-православная церковь), ИПХС (Истинно-православные христиане странствующие), ИПВ (Истинно-православная вера), баптизм, распространявшиеся преимущественно в центральных, восточных и южных районах Чувашии и прилегающих районах современной Ульяновской обл. (Цильнинский, Барышский, Вешкаймский районы), Республики Татар-

стан (Дрожжановский, Аксубаевский районы), а также в Самарской обл. (Шенталинский р-н).

Общины ИПХС с чувашским населением существовали во второй половине XIX в. в Цивильском, Буинском, Симбирском и Карсунском уездах (*Кудряшов* 1974: 204). Наиболее активно эти и другие общины проявили себя в 20-х годах XX в. Ареалом их по-прежнему оставались правобережные уезды. Так, общины ИПВ действовали в Цивильском, Чебоксарском и Батыревском уездах ЧАССР, и особенно в с. Трехбалтаево и хуторе Кибечи. Другой очаг располагался в прилегающем тимерсянском кусте селений (ныне – Цильнинский р-н Ульяновской обл.) (Там же: 210–212). Ареал чувашских общин ИПЦ охватывал Аликовский, Канашский, Цивильский и Батыревский районы Чувашии. Наиболее многочисленные общины располагались в селах Буртасы, Большое Яниково, Карксирмы, Саруй (Там же: 214–217).

В послевоенный период все вышеуказанные течения сохранялись в пределах очерченных ареалов и даже распространились вовне. В конце XX в. наблюдается тенденция заметного сокращения как ареала, так и численности вышеуказанных течений. Приверженцы ИПЦ есть сегодня в д. Васильевка Аксубаевского р-на Республики Татарстан. Здесь их веру называют *хура турă* (дословно – “черный бог”) по манере одеваться во все черное. На совместные моления они ездили до недавнего времени в г. Чистополь (ПМА 2005а: Аксубаевский р-н, с. Старые Савруши).

Среди **сектантских** течений христианства у чувашей было представлено молоканство. Наиболее крупная община молокан располагалась в начале XX в. в д. Николаевка Белебеевского у. (ныне – Чююнци-Николаевка Давлекановского р-на РБ), насчитывавшая 180 чел. (для сравнения – православных здесь было всего 15 чел.) (*Никольский* 1912: 216–217). В 1999 г. здесь проживало всего лишь 5–20 чел. в возрасте 60–80 лет (*Браславский* 2000: 7).

Протестантское направление христианства было представлено среди чувашей баптистско-евангелистским течением. Общины баптистов сформировались в сельской местности в закамских районах Татарии. Так, они известны с 20-х годов в селах Васильево, Новый Адам, Новое Ильдиряково бывшего Чистопольского кантона ТАССР (ныне – Аксубаевский р-н РТ), а также в д. Ямбахино Вурнарского р-на Чувашии (*Кудряшов* 1974: 218).

Баптизм к чувашам Закамья завез в годы Первой мировой войны житель с. Васильевка Михаил Назаров, который, будучи в немецком плену, познакомился с этим вероучением и по возвращении домой обратил в него своих односельчан, а также некоторые семьи в ближайших деревнях Чувашское Енорускино, Урмандеево и др. Баптисты поддерживали связи не только между указанными селениями, но и с общиной в г. Чистополь. В годы Великой Отечественной войны, а потом и в 50–60-х годах, местная община пополнялась за счет веропреемников из числа православных сельчан. В настоящее время в Васильевке располагается самая крупная община чувашей-баптистов в Закамье, состоящая из восьми семей. По сообщениям информантов, местные баптисты регулярно посещают молельный дом, соблюдают все каноны своей веры (не пьют, не курят, не ругаются и т.д.), а в целом держатся обособленно от православных, хотя покойных хоронят на одном кладбище с ними. Чувашское начало выражено в деталях: например, надпись на вышивке, заменяющей баптистам иконы, сделана на чувашском языке, а на свадьбы приглашается ансамбль баптистов из Чебоксар (ПМА 2005а: Аксубаевский р-н).

Особый интерес в рамках данной темы приобретает вопрос о чувашском **старообрядчестве**, который закономерно возникает с учетом масштабов его распространения среди соседних народов – русских и мордвы. С приходом в Урало-Поволжье русских оно проникло и к некоторым группам чувашей в северо-восточной части Симбирской (Буинский, Симбирский и Карсунский уезды) и Казанской (Цивильский у.) губерний. Каналами передачи старообрядческих традиций были отходничество (этим и объясня-

ется ареал данной группы) и общение с мордвой в Приволжье (Засурье) в смешанных и соседних селениях (Каргино, Верхняя Туарма) (Данилко 2006: 95).

Среди чувашей распространялись согласия поповского (белокриницкого) и беспоповского направления старообрядчества – спасовское и поморское согласия. Общины замыкались преимущественно в рамках семейно-родственных групп, чему способствовали и формировавшиеся постепенно круги брачных контактов. Одна из них находилась в д. Верхней Буяновой Шемуршинского прихода Симбирского у. Создателем ее и руководителем выступил местный житель Дмитрий Иванов – человек амбициозный и обладавший незаурядными способностями. В 1857 г. он завел себе старые иконы и книги, которые читал и комментировал с чувашским переводом. Первоначально тайно, а с 1868 г. уже открыто Д. Иванов причислил себя к "спасову согласию" и сумел увлечь в свою веру с 1868 по 1873 г. четыре дома, а в 1877 г. еще одну семью. Раскольники отказывались посещать церковь, не принимали священника с молебном, не крестили детей, не венчались, а умерших хоронили без отпевания (Новрусский 1898: 604). Приверженцами старой веры, проповедуемой бездетным Д. Ивановым, стали члены семьи его брата Семена Ивановича Иванова, а также их сестры, вышедшие замуж в деревнях Асаново и Старые Чукалы (ныне – Шемуршинский р-н Чувашии), в которых, благодаря им, также впоследствии сформировались семейно-родственные общины спасовцев. Совместные моления родственников, обитавших в разных селениях, устраивались до 30-х годов XX в. Но поколение детей, рожденное уже в предвоенный период (пример О.К. Захаровой, 1934 г.р.), не усвоило старOVERских обычаев и не придерживается их сегодня (ПМА 2005б: Шемуршинский р-н, с. Малое Буяново).

В начале XX в. (данные Н.В. Никольского на 1911 г.) чуваша-старообрядцы поповского направления обитали также в Цивильском у. Казанской губ. в деревнях Подлесная (2 чел.) и Старое Бахтиярово (6 чел.), составляя в обеих мизерный процент по отношению к общей численности: 0,25 и 0,43% соответственно. Примечательно, что в первой наряду с православными и старообрядцами проживали также 14 "язычников", что усложняло конфессиональную ситуацию в деревне (Никольский 1912: 207). Православное духовенство, всерьез опасаясь дальнейшего влияния "раскола", препятствовало открытию старообрядческих молельных домов, например, в том же Цивильском у. (д. Норваш-Кошки).

Другая относительно многочисленная группа чувашских старообрядцев располагалась в Карсунском у. Симбирской губ. По данным Н.В. Никольского, очагом раскола являлась Каргинская вол., в которую и входили с. Каргино и д. Верхняя Туарма. В первом проживали 75 старообрядцев (4,3%) и 1755 православных, во второй – 17 старообрядцев (2,5%) и 668 православных (Там же: 214–215).

Число чувашских семей, входивших в старообрядческую общину кулугуров (местные варианты – "калагуры" и "сталоверы") в с. Каргино, было невелико. В брачных отношениях они замыкались в пределах своей религиозной общины, одновременно расширяя и размывая этнические границы. Так, Каргино и Верхняя Туарма были вписаны в единый круг вместе с мордовской д. Коченяевкой, а также чувашскими деревнями Чувашская Решетка, Хомутерь. Старообрядцы проживали также небольшими группами в деревнях Мухино, Нижняя Туарма, пос. Садовый. Таким образом, здесь сформировалась не этноконфессиональная, а надэтническая конфессиональная общность старообрядцев Спасова согласия (ПМА 2006).

Межэтнические браки, традиция которых восходит к середине XVIII в., стали немаловажным фактором распространения и закрепления старообрядческих традиций, а также причиной этнической ассимиляции чувашей в Каргино. Примечательно, что в смешанные браки вступали не только православные, но и "калагуры", причем с православными. Вероятно, это стало одной из причин разрушения в XX в. старообрядческих традиций в селе и округе. Наиболее интенсивно каргинские чуваша-"калагуры" общались с мордовскими единоверцами из соседней д. Коченяевка (Там же).

Отличительными признаками принадлежности к "калагурской" общине являлись ношение закрытой одежды, двоеперстие, наличие медных икон, лестовок, закрывание божницы занавеской или размещение икон в специальном деревянном "домике" в углу божницы, "чашничество" (разделение посуды для "своих" и "мирских"), наличие "старых" книг – Псалтыри, подготовка специальной погребальной одежды, ношение мужчинами бород, неприятие спиртного, табака и т.д. Отличала их от остальных сельчан антропонимия – своих детей "калагуры" называли старинными именами (Кузьма, Арина, Пимен, Прасковья) (Там же).

Как и у других этноконфессиональных групп, наиболее устойчивыми оказались похоронно-поминальные обряды: обтирание покойного мокрым полотенцем, одевание в погребальную одежду, расположение тела в доме головой к двери, поминовение в два дня, например, 9-й и 10-й, и т.д. Наравне со всеми местные "калагуры" участвовали в общесельских праздниках. В календарной обрядности местных чувашей до середины XX в. сохранялись Масленица, проводы весны (через неделю после Троицы), новогодние гадания, Пасха, а также христианские праздники – Рождество, Крещение, Вербное воскресенье, Благовещение. Большинство из них испытало сильное русское влияние (Там же 2006).

В советское время отношение молодого поколения к "калагурским обычаям" в корне изменилось: они вступали в комсомол, участвовали в молодежных развлечениях, т.е. вели себя совсем не "по-калагурски". Старообрядчество явно сдавало свои позиции, хотя в 50–60-х годах были два случая перехода в "калагурскую" веру православных (Там же).

Старообрядчество белокриницкого (австрийского) согласия было распространено в центральных и восточных районах Чувашии (ныне – Канашский и Янтиковский районы): в деревнях Новая, Тувси, Можарки, Норваш-Кошки, Бахтиярово, Старые Арабоси, Подгорье, Тябердино-Салагаево, Русские Вутабоси. В начале XX в. в указанных деревнях, по данным Л.Ю. Браславского, обитало около 2000 чел., исповедовавших эту веру (*Браславский* 2000: 8).

Постоянный временной и пространственный контекст чувашского старообрядчества составляли иноэтничное и иноконфессиональное окружение. Е.С. Данилко выделяет три основных направления контактов старообрядцев с иноверцами: хозяйственная деятельность, брачные связи и миссионерство. Взаимодействие в хозяйственной деятельности допускалось, и в этом отношении "консервативная" старообрядческая культура была открыта для новшеств. Замкнутость в брачной сфере, воспринимаемая как необходимое условие сохранения своей веры, поддерживалась и охранялась гораздо серьезнее. При заключении браков с иноверцами происходил переход в "раскол". Но в силу тесной связи старообрядцев с деревенским миром, в семейных обрядах, в частности, в свадьбе, не наблюдалось существенных различий. Самым активным направлением взаимодействий старообрядцев с окружающим миром была миссионерская деятельность, которая всячески приветствовалась как богоугодное дело (*Данилко* 2007: 35–37).

В ходе межкультурного взаимодействия формировались синкретические формы религиозного культа, проникали иноэтничные элементы в культуру. При синтезе русской и чувашской традиций старообрядчество изначально все же было русским явлением. Так, свойственные для древней формы православия эсхатологизм и развитая книжность стали частью чувашской традиции (Там же: 48).

Восприятие христианства, в т.ч. и его неортодоксальных течений, оказало мощное воздействие на развитие истории и этнокультурных традиций чувашского народа, вызвав не только этноэволюционные, но нередко этнотрансформационные процессы (в первую очередь, ассимиляцию). Однако христианизация не привела к немедленному обрусению чувашей; христианская доктрина допускала существование отличной от русской этничности. Более того, в мусульманском окружении (например, в Приура-

лье) именно христианство становилось основой этноконфессионального самосознания чувашей и воспринималось и самими чувашами, и соседями как "чувашская вера". Восприятие чувашами неортодоксальных христианских религиозных течений (направлений старообрядчества, протестантизма и др.) существенно разнообразило этноконфессиональную мозаику чувашского населения Урало-Поволжья, усложнило межконфессиональное и межэтническое, а также внутриэтническое общение, создав дополнительную линию противостояния между официальным православием, "язычеством", исламом и указанными течениями. Их распространение в XIX–XX вв. являлось важным индикатором религиозных настроений среди чувашей, переживавших мировоззренческий кризис "язычества", но не желавших приобщиться к христианскому или мусульманскому большинству.

Основными факторами процесса формирования этноконфессиональных меньшинств чувашей стали взаимодействие их с окружающим населением – татарами, русскими, мордвой, мировоззренческий кризис "чувашского язычества", неприятие философской концепции, ритуальной и бытовой практики официального православия, социальный конфликт с негативными общественными явлениями современного общества.

Процесс развивался стихийно и охватил немногочисленную часть чувашей, тем не менее привел к обособлению последних в рамках своих религиозных общин и дальнейшей изоляции их в социальном отношении. Появление адептов неофициального православия, ислама или пребывание "язычников" в чувашских деревнях вело к внутренней конфронтации ее жителей, а также создавало напряженность в отношениях с церковью, пристально следившей за умонастроениями всего населения.

Восприятие новых религий существенно изменило обрядовую и бытовую сторону жизни чувашей, но не вытеснило окончательно элементы традиционного комплекса. Новое, отличное от большинства чувашей, религиозное самосознание сосуществовало с общезэтническим и языковым самосознанием. В то же время наблюдались тенденции актуализации и доминирования конфессионального самосознания по сравнению с последними. Соотнесение себя со своей культурной традицией и традициями окружающего населения реализовалось в рамках универсальной семантической оппозиции "мы – они", "свои – чужие": "мы – истинные чуваша, истинно верующие, мусульмане", "они – кряшены, мирские, православные". Трансформация общественного быта и идеологический прессинг в XX в., особенно в его второй половине, ослабили значимость религиозного начала в культуре чувашей и затормозили консолидацию этноконфессиональных меньшинств, вернув / приведя часть их потомков в лоно официальной церкви. Но другая их часть, пусть и немногочисленная, существует сегодня в рамках соответствующих этноконфессиональных традиций, что свидетельствует об актуальности изучаемой темы.

Примечания

¹ Используются данные работы Н.В. Никольского (*Никольский* 1912: 200), уточненные и дополненные архивными и опубликованными данными, выявленными автором: РГАДА 2: 3144, 3147, 3155, 3156; 1324. Д. 1, 1340, 3031; РГАДА 3; РГИА 1, 3, 8; РГО; РГВИА 2; Ведомость.

² По историческим и этнографическим материалам известно, что некрещеные чуваша отправлялись в поиске невест-единоверок за 100 км и более: РГАДА 2: 2454, 3351, 3353 и др.; ПМА 1995–2005.

³ По непроверенным данным, некрещеные чуваша (около 15 чел.) обитают в д. Тенево Янтиковского р-на Чувашии.

Источники и литература

Архив РАН – Научный архив РАН (Санкт-Петербург). Ф. 30. Оп. 2. Д. 54.

Багин 1910 – *Багин С.* Об отпадении в магометанство крещеных инородцев Казанской епархии о причинах этого печального явления // Православный собеседник. 1910. № 1.

- Браславский* 1997 – *Браславский Л.Ю.* Ислам в Чувашии. Исторические и культурологические аспекты. Чебоксары, 1997.
- Браславский* 2000 – *Браславский Л.Ю.* Религиозные и оккультные течения в Чувашии. Чебоксары, 2000.
- Брук и др.* 1969 – *Брук С.Н., Чебоксаров Н.Н., Чеснов Я.В.* Проблемы этнического развития зарубежной Азии // *Вопр. истории.* 1969. № 1.
- Ведомость – Ведомость о наместничестве Казанском // *Сб. матер. по истории Казанского края в XVIII в.* Казань, 1908.
- Воронец* 1877 – *Воронец Е.Н.* К вопросу о свободе веры и о современных, внутри России, отпадениях от христианства в мухамеданство // *Православный собеседник.* 1977. Т. 1.
- Данилко* 2006 – *Данилко Е.С.* Старообрядчество среди чувашей в контексте межкультурного взаимодействия в Урало-Поволжье // *Проблемы этнокультурного взаимодействия в Урало-Поволжье: история и современность.* Матер. конф. Самара, 2006. С. 93–98.
- Данилко* 2007 – *Данилко Е.С.* Механизмы самосохранения русских и финно-угорских старообрядческих общин Урало-Поволжья: Автореф. дис. ... д.и.н. М., 2007.
- Диakoнов* 1891 – *Диakoнов В.* Влияние Шаминской церковно-приходской школы на жителей // *Изв. по Казанской епархии.* 1891. № 24.
- Димитриев* 1993 – *Димитриев В.Д.* Чувашские исторические предания. Чебоксары, 1993.
- Из жизни – Из жизни крещеных инородцев Казанского края за 1887 г. // *Изв. по Казанской епархии.* 1888. № 1. С. 14–17.
- Журнал 1902 – Журнал общего годичного Собрания членов ПМО по Симбирскому комитету 7 апреля 1902 года // *Симбирские епархиальные ведомости.* 1902. № 21.
- Иванов* 1900 – *Иванов А.* Из истории христианского просвещения Самарской епархии во второй половине XIX в. // *Православный благовестник.* 1900. № 13.
- Иванов* 1910 – *Иванов А.* Церковно-школьное образование и просвещение инородцев Самарской епархии по системе Н.И. Ильминского // *Самарские епархиальные ведомости.* 1910. № 18.
- Ильминский* 1895 – *Ильминский Н.И.* Письма Николая Ивановича Ильминского к Обер-прокурору Святейшего Синода Константину Петровичу Победоносцеву. Казань, 1895.
- Коблов* 1903 – *Коблов Я.* Состояние миссионерского дела в Казанской епархии // *Изв. по Казанской епархии.* 1903. № 43. С. 1459–1460.
- Комиссаров* 1913 – *Комиссаров Г.И.* Религиозное состояние чуваш в XIX в. // *Православный благовестник.* 1913. № 19.
- Краткая заметка 1897 – Краткая заметка об инородцах Волжско-Камского края // *Симбирские епархиальные ведомости.* 1897. № 1.
- Кудряшов* 1961 – *Кудряшов Г.Е.* Пережитки религиозных верований чуваш и их преодоление. Чебоксары, 1961.
- Кудряшов* 1974 – *Кудряшов Г.Е.* Динамика полисинкретической религии. Чебоксары, 1974.
- Кудряшов* 1978 – *Кудряшов Г.Е.* Этноспецифика обыденной религиозности // *Проблемы религиозного синкретизма и развития атеизма в Чувашской АССР.* Тр. ЧНИИ. Вып. 86. Чебоксары, 1978. С. 30–46.
- Миссионерский съезд – Миссионерский съезд в городе Казани 13–26 июня 1910 года. Казань, 1910.
- Можаровский* 1880 – *Можаровский А.* Изложение хода миссионерского дела по просвещению инородцев с 1552 по 1867 г. М., 1880.
- Никольский* 1912 – *Никольский Н.В.* Христианство среди чуваш Среднего Поволжья в XVI–XVIII веках. Исторический очерк // *Изв. Об-ва археологии, истории и этнографии.* Т. XXVIII. Вып. 1–3. Казань, 1912.
- Новрусский* 1898 – *Новрусский Н.* К истории христианско-просветительского дела среди инородцев // *Симбирские епархиальные ведомости.* 1898. № 23. Отд. неофиц. С. 603–604.
- О.Р.* – *О.Р.* Чуваша в Константинополе // *Уфимские епархиальные ведомости.* 1903. № 10. С. 660–674; № 11. С. 738–748.
- Отчет БСГ 1883 – Отчет Братства Св. Гурия за 1882–1883 гг. // *Изв. по Казанской епархии.* 1883. № 22–24.
- Отчет КЕИМ 1912 – Отчет Казанского епархиального инородческого миссионера за 1912 г. // *Изв. по Казанской епархии.* 1913. № 32–35.
- Отчет СЕК 1897 – Отчет Самарского епархиального комитета Православного миссионерского общества (далее – СЕК ПМО) за 1897 г. // *Самарские епархиальные ведомости.* 1898. № 8.

- Отчет СЕК 1901 – Отчет СЕК ПМО за 1901 г. // Самарские епархиальные ведомости. 1902. № 17.
 Отчет СЕК 1902 – Отчет СЕК ПМО за 1902 г. // Самарские епархиальные ведомости. 1903. № 8.
 Отчет СЕК 1904 – Отчет СЕК ПМО за 1904 г. // Самарские епархиальные ведомости. 1905. № 11.
 Отчет СМБЕК 1877 – Отчет о деятельности Симбирского Епархиального Комитета Православного Миссионерского Общества за 1877 г. // Симбирские епархиальные ведомости. 1878. № 7.
 Отчет УЕК 1888 – Отчет по Уфимскому епархиальному комитету православного миссионерского общества за 1888 г. // Уфимские епархиальные ведомости. 1889. № 17, 18, 20.
 ПМА 1993–1999 – Полевые материалы автора, 1993–1999 гг. Самарская обл.: 1993 г. – Кошкинский р-н, 1994–1995 гг. – Челно-Вершинский р-н, 1996 г. – Похвистневский р-н, 1997 г. – Кошкинский и Шенталинский районы, 1998 г. – Клявлинский р-н, 1999 г. – Иса克林ский р-н.
 ПМА 1994 – Полевые материалы автора, 1994 г. Ульяновская обл.: Цильнинский р-н (с. Средние Алгаши).
 ПМА 2000 – Полевые материалы автора, 2000 г. Республика Татарстан: Нурлатский р-н (д. Чувакшская Менча).
 ПМА 2001 – Полевые материалы автора, 2001 г. Самарская обл.: Шенталинский р-н (села Старое Афонькино, Салейкино).
 ПМА 2002а – Полевые материалы автора, 2002 г. Республика Татарстан: Дрожжановский р-н (с. Чувашское Шаймурзино).
 ПМА 2002б – Полевые материалы автора, 2002 г. Республика Башкортостан: Бижбулякский р-н.
 ПМА 2002в – Полевые материалы автора, 2002 г. Оренбургская обл.: Абдулинский р-н (с. Артемьевка).
 ПМА 2003а – Полевые материалы автора, 2003 г. Республика Татарстан: Альметьевский р-н (с. Старое Суркино, Клементейкино).
 ПМА 2003б – Полевые материалы автора, 2003. Республика Башкортостан: Бакалинский р-н (д. Юльтимировка).
 ПМА 2004 – Полевые материалы автора, 2004. Республика Башкортостан: Гафурийский, Ишимбайский, Миякинский районы.
 ПМА 2005а – Полевые материалы автора, 2005. Республика Татарстан: Нурлатский, Аксубаевский, Черемшанский районы.
 ПМА 2005б – Полевые материалы автора, 2005. Чувашская Республика: Шемуршинский р-н (с. Малое-Буяново: Антонова Л.П., 1947 г.р.; Захарова О.К., 1934 г.р.; Иванова Е.С., 1926 г.р.); Комсомольский (д. Полевое Байбахтино), Урмарский районы.
 ПМА 2006 – Полевые материалы автора (совместно с Е.С. Данилко), 2006 г. Ульяновская обл.: Вешкаймский р-н (с. Каргино: Жидкова К.И., 1932 г.р.; Иванушкина М.А., 1926 г.р.; Шеймухова Е.А., 1926 г.р., уроженка д. Коченяевка).
Пучков 1989 – *Пучков П.И.* Интегрирующая и дезинтегрирующая роль религии в этническом процессе // Расы и народы. Вып. 19. 1989. С. 22–29.
 РГАДА 1 – РГАДА. Ф. 248. Кн. 4340, 4342.
 РГАДА 2 – РГАДА. Ф. 350. Оп. 2. Ч. II. Д. 1207, 1219–1221, 2454, 3144, 3147, 3149, 3150, 3152, 3155, 3156, 3352, 3795.
 РГАДА 3 – РГАДА. Госархив. Ф. 16. Д. 931.
 РГАДА 4 – РГАДА. Ф. 1324. Д. 1. Д. 1340, 3031;
 РГИА 1 – РГИА. Ф. 383. Оп. 30. Д. 294.
 РГИА 2 – РГИА. Ф. 379. Оп. 1. Д. 612, 739.
 РГИА 3 – РГИА. Ф. 571. Оп. 6. Д. 141. Л. 28 об.
 РГИА 4 – РГИА. Ф. 796. Оп. 23. Д. 896; Оп. 162. Д. 1077; Оп. 186. Д. 5999; Оп. 191. Д. 163.
 РГИА 5 – РГИА. Ф. 797. Оп. 5. Д. 20775; Оп. 18. Д. 41173; Оп. 19. Д. 42701; Оп. 37. Д. 25, 218; Оп. 76. Д. 115а; Оп. 79. Д. 51.
 РГИА 6 – РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 770, 775, 777, 779, 780, 800.
 РГИА 7 – РГИА. Ф. 1278. Оп. 2. Д. 3583.
 РГИА 8 – РГИА. 1290. Оп. 11. Д. 706, 1245.
 РГВИА 1 – РГВИА. Ф. ВУА. 18894, 18895, 19025.
 РГВИА 2 – РГВИА. Ф. 414. Оп. 1. Д. 334.
 РГО – Научный архив РГО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 166.
Руновский 1901 – *Руновский Н.* Очерк истории христианского просвещения инородцев Волжско-Камского края в связи с историей переводов на их языки до половины XIX в. // Симбирские епархиальные ведомости. 1901. № 7. Отд. неофиц.

- Филимонов* 1908 – *Филимонов Д.* Успехи ислама среди чуваш-язычников дер. Старо-Афонькиной Бугульминского уезда // Самарские епархиальные ведомости. 1908. № 16.
ЦГА – ЦГА РБ. Ф. И-295. Оп. 11. Д. 495, 3259.
ЧГИГН 1 – Научный архив ЧГИГН. Отд. I. Ед. хр. 220.
ЧГИГН 2 – Научный архив ЧГИГН. Отд. III. Ед. хр. 181, 277, 878.
Чичерина 1907 – *Чичерина С.В.* У приволжских инородцев. СПб., 1907. Прилож. 6.
Ягафова 1998 – *Ягафова Е.А.* Самарские чуваша (историко-этнографические очерки). Конец XVII – начало XX в. Самара, 1998. С. 272–313.
Werth 2002 – *Werth P.* At the Margins of Orthodoxy: Mission, Governance and Confessional Politics in Russians Volga-Kama Region, 1825–1917. Ithaca, 2002.

Список сокращений

Д. – дело.

Ед. хр. – единица хранения.

Л. – лист.

Оп. – опись.

ПМА – Полевые материалы автора.

РАН – Российская академия наук.

РГАДА – Российский государственный архив древних актов (г. Москва).

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив (г. Москва).

РГИА – Российский государственный исторический архив (г. Санкт-Петербург).

РГО – Русское географическое общество (г. Санкт-Петербург).

Ф. – фонд.

ЦГА РБ – Центральный государственный архив Республики Башкортостан (г. Уфа).

ЧГИГН – Чувашский государственный институт гуманитарных наук (г. Чебоксары).

ЧНИИ – Чувашский научно-исследовательский институт (ныне – ЧГИГН).

E. A. Y a g a f o v a. Ethno-Religious Groups of the Chuvash

The article focuses on the history of formation and specificities of the religious culture of ethno-religious minority groups of the Chuvash such as the unbaptised, Muslim, and Christians of unorthodox veins (old-believers, protestants, sectarians, etc.). The author attempts to uncover the areas of historical distribution of people composing such groups, the scale of their present-day distribution, as well as causes and ways of transformation of their religious beliefs and practices in the twentieth century.